

> МАТИС ТРАЛЪ >

МИЛОРАД ПАВИЧ

Русская борзая

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44
П12

Milorad Pavic

RUSKI HRT

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

Перевод с сербского *Дмитрия Стукалина*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Павич, Милорад.
П12 Русская борзая / Милорад Павич ; [перевод
с сербского Д. Е. Стукалина]. — Москва : Эксмо,
2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-210728-3

Милорад Павич — сербский прозаик, которого критики окрестили не иначе как первым писателем XXI столетия. Его сборник рассказов «Русская борзая» наполнен магическим реализмом и мистикой.

На страницах этой книги затаились истории, которые еще долго будут вас преследовать. Мальчика убьет песня о кольце, петле и балалайке, хотя тот ее никогда не услышит. У Петропавловской крепости пуля пролетит из четверга в среду. Отобедав с покойниками, автор выйдет из ресторана в рассказ другого писателя. Внук встретится с дедом после его смерти. Герой попытается отравить бывшего друга с помощью зеркал в старинной конторке. А вы сами станете виновником гибели одного из персонажей.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44

© Стукалин Д.Е., перевод на русский
язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210728-3

РУССКАЯ БОРЗАЯ

Поверх бумаги, на которой я пишу, лежат карманные часы 1898 года с потайным отделением для нюхательного табака. Тикает живое сердце давно уже сгинувшего кармашка. Мой прадед по отцу, д-р Стеван Михайлович, измерял этими часами последние годы своей жизни. Обстоятельства, при которых он, судья в отставке и разведенный супруг, умер в 1922 году в Сомборе, были довольно странными. Настолько странными, что ни моя бабушка (его дочь), ни сомборские приятели нашего семейства Лалошевичи ни разу не упомянули, что прадед похоронен в вечерней тени сомборской часовни. Я прослышал об этом случайно и, сообразив, что мы с женой и детьми не раз проходили возле кладбища, не подозревая, что он там лежит, решил во всем разобраться.

Вот что мне удалось узнать.

В Сомборе во времена д-ра Стевана Михайловича еще торговали контрабандными драгоценностями. Девушки продавали свои косы, в городе были мастера, делавшие из человеческих волос щетки; прадед их покупал, предпочитая сделанные из острых бород и усов разного цвета — черные, рыжие, желтые, белые. Поутру он расчесывал свои волосы

чужими и говорил, усмехаясь, своему отражению в зеркале:

— Берегись мужчины, что зевает в твоём сне! Пока он не появился, ничего не бойся!

По слухам, он любил свое лицо, носил раздвоенную бороду и такие усы, будто поседевшая ласточка упала ему под нос. Был он бледен, со впалыми висками и при свете свечи словно глядел этими висками. Женщины любили его, но с запозданием, когда сам он к ним уже охладевал. В нем угадывалось исключительное явление, а руки его были изваяны столь совершенно, что это можно было понять и по его переброшенным через трость перчаткам. Его красивые пальцы летали над клавишами рояля, когда он на этом же рояле играл с моей прабабушкой в шахматы. Ел он ложкой из оленьего рога, табачный дым выдыхал себе в карман и ежедневно после полудня дожидался в кафане¹ мгновения, когда время останавливается, ибо как раз после полудня оно там иногда останавливалось. А потом, когда кафана наполнялась людьми, он уходил домой, чтобы отдохнуть и выгулять свою собаку. Иногда он замирал перед ней посреди самой большой комнаты, где один угол был совсем глухой, а три остальных отзывались эхом, и чувствовал, что становится старше героев книг на полках. Собак он любил, но не охотился и, покуда был женат вторым браком на моей прабабушке, их не держал. Однажды прабабушка достала из стенного шкафа все белье, негромко напевая, выстирала и выгладила его, распорядилась починить окна и замки, велела почистить все столовое сереб-

¹ К а ф а н е — кафе, маленький ресторан.

ро и все прадедовы башмаки и сапоги; перетянула заново кресла, обшив канты фарфоровыми пуговицами, сменила постельное белье, сварила мужу суп из свинины с лимоном, поцеловала, как обычно, когда он уходил в суд, и покинула его. Переехала с детьми к своей матери. Оставшись один, прадед sprysнул цветы вином и раздобыл молодую суку, русскую борзую, у переселенцев с Украины. Сука могла скрестить уши, морда у нее была острая, как кукурузный початок, а хвост, который она держала между задних ног, был огромным, толщиной с руку у основания и служил ей воздушным рулем. Еще когда она была щенком и ела только молоко и рыбу (мать ее вскормили грудью украинские крестьянки), прадед раздобыл книгу петроградского издания о разведении борзых и вычитал в ней краткую историю породы.

Русская борзая, как и прочие породы борзых, — потомок абиссинского волка и впервые упоминается в достоверных источниках в XVII веке. Берет свое начало из двух знаменитых выводов — перчинского и воронцовского, используется только для конной охоты, так как бежит со скоростью 80 километров в час и может обогнать зайца. Из-за скорости и незаурядной ловкости называется «борзой» (быстрой), с ней охотятся на антилоп, косуль и прочую быстроногую дичь. В русских дворянских имениях с давних пор держали по 64 пса этой породы, лишних удаляли, а недостаток восполняли так — искали человека, который мог подарить борзую. Русская борзая не продается. Великий позор продать или купить борзую. Ее можно разве что получить в подарок. Она кровожадна и, единственная

из собак, способна растерзать собственного щенка. Имеет мощные длинные челюсти, при этом верхняя челюсть значительно «старше» нижней. Ест борзая, опустив голову между передних ног, так что куски пищи лежат у нее на нёбе, а не на языке. Имеет зубы, перемалывающие кости в пыль, и может, не отравившись, высосать у человека кровь из ранки от змеиного укуса. Говорят, что иногда борзая обращается в камень, похожий на борзую, который предсказывает ветер и другие перемены. Дрессировке при этом борзая не поддается, к хозяину не привязывается, однако ее можно натаскать для охоты на волка. Охота эта издавна любима и очень непроста. Для нее держат в своре трех борзых (двух кобелей и суку) одного окраса, то есть вся тройка либо белая, либо пятнистая с переливами от сернистого до желтого цвета. У борзой острая, будто куриная грудь, шерсть которой перед охотой сбивают, чтобы не мешала при беге. У кобелей белки глаз чуть кровавые, у сук — чисто белые. Тройка, бросившись в погоню, выбирает своего волка, и по окрасу своим легко понять, сколько волков они преследуют. Сколько окрасов, столько и зверей в гоне, потому что тройки между собой не перемешиваются. Стожить жилище борзая не годится, она почти немая, более того, если она залает, ее убивают, потому что своим голосом она пугает все живое на расстоянии ружейного выстрела. Она так резко поворачивает на бегу, что может сама сломать себе кости, чаще всего — плечо. Если из норы поднята волчица, первой ее преследует сука. Волка, наоборот, гонят кобели. Прежде всего его отсекают от стаи. Волк прекрасно знает, что убежать не сможет, что

борзая в состоянии делать вокруг него петли, пока он бежит по прямой. В этой неравной гонке борзые быстро догоняют волка, который испытывает жуткий страх, берут его в клещи и хватают каждый со своей стороны как раз там, где волчица хватала своих щенков, когда их переносит. При этом они не кусают, и волку не больно, напротив, это вызывает у него приятные воспоминания, и борзые без труда валят зверя на землю и не дают ему вскочить. Теперь появляется сука, поджидавшая, пока кобели выполнят свою часть работы. Сука борзой умнее кобеля и сообразительнее человека. Она быстрее остальных превращает настоящее в будущее. В мгновение ока сука хватается волка за горло, но не прокусывает его, а ждет охотника. И тогда наступает решающий момент. Охотник оценивает добычу. Если волк — обычный и у него «сквозь тень лунный свет проходит», охотник дает знак, и сука убивает зверя. Но если породистый волк наделен выдающимся сложением и может «тенью чашу опрокинуть», охотник его связывает, относит живьем домой, где молодые борзые учатся на нем своему охотничьему ремеслу...

Один такой борзой щенок и появился в доме д-ра Михайловича вскоре после того, как он разом снял оба своих обручальных кольца, что носил на одном пальце. Прадед завернул свои наручные часы в теплую рубашку и положил на нее маленькую суку. Та принимала тиканье часов за стук материнского сердца и не возмущалась, что ее отделили от выводка. Каждое утро она будила прадеда, и сквозь дым первой сигары он смотрел, как собака обнюхивает его с закрытой пастью, причем сквозь шерсть было заметно, как во рту ее работает язык, потому

что борзая нюхает и языком. Другие собаки ее не любили и сторонились, а д-р Михайлович повторял поговорку «ни пес, ни борзая», размышляя при этом, насколько обычная собака и борзая внешне не похожи друг на друга. Его сука была жарче обычной собаки, и на том месте, где она спала (а ночевала она на снегу), даже зимой вырастала трава. Говорили, что она может лечить радикулит, если положить ее в кресло за спину к больному. У нее был высокий прыжок, она могла, как говорят русские, подпрыгнуть, когда солнце еще не село, а приземлиться, когда оно уже закатится. По ее глазам и шерсти можно было определить перемену погоды, и д-р Михайлович говорил в шутку, что у его суки самые красивые кружевные панталоны в Сомборе.

— Посмотрите, она плачет себе в рот! — повторял он приятелям, показывая, какая у борзой пасть.

Охотиться с ней он не мог, потому что в двадцатые годы нашего века охота с русскими борзыми в Югославии была запрещена, и этот запрет действовал до сих пор. Причина простая — в Центральной Европе нет зверя резвее борзой. Ружья не нужно: достаточно пустить борзую, и она принесет вам того, за кем погналась...

* * *

Когда прадедова борзая выросла и обрела коленные зубы, которыми с наслаждением смолотила в пыль и сожрала последние из своих молочных зубов, д-ра Михайловича разыскал Евгений Дожа. До того д-р Михайлович ничего о нем не слышал. Некогда ему была прислана в подарок курительная

трубка, и прадед сразу сообразил, что это предложение о нелегальной покупке. Он тут же вернул трубку пославшему и оставил предложение без внимания, но что-то все-таки его встревожило; у него прорезалось третье ухо, и д-р Михайлович испугался того, что мог совершить. Он решил уехать, избежав таким образом искушения. Нанял фиакр, на дышло в тот же вечер прикрепили фонарь, глаза его впервые в жизни прослезились, и он нагнал восточный экспресс у моста через Тису. В бархатном кресле, пропитанном ароматом «гаваны» и женской пудры, д-р Михайлович прибыл в Пешт. Уверенный, что избежал опасности, он сидел в кондитерской в Буде, разглядывал портал церкви короля Матиуша и смаковал ореховое пирожное, как вдруг в конце зала из-за стола поднялся и подошел к нему мужчина с редкими зубами, между которыми при разговоре, словно тесто, вспухал язык. Мужчина носил под воротником плетъ, изящно завязанную в виде галстука, на высоких каблуках сапог — два красных платка, чтобы не поскользнуться на лестницах Буды, а из кармана кожаной куртки у него торчала трубка. По этим признакам мой прадед узнал Евгена Дожу. Тот прибыл из Сомбора раньше д-ра Михайловича и сейчас оценивал его взглядом, который не смеялся, ибо была пятница, а в пятницу не смеются, чтобы в воскресенье не плакать. Мужчина сказал прадеду, что давно его ждет, и попросил разрешения кое-что показать. Д-р Михайлович почувствовал себя в тот момент медленным, очень медленным. Дожа зажег трубку, сделал несколько затяжек, потом погасил ее, откинул крышечку. Внутри, в табачном пепле, как в некой печи, лежал бриллиант. Д-р Михайлович

осторожно его извлек, поднес перед зеркалом к уху и сразу же понял, что камень настоящий.

— Тот, который вы сейчас держите, сменил три русские семьи, — сказал Евген Дожа. — Он родом из Африки. Говорят, кто носит его на пальце, избавляется от ревматизма. В нем можно разглядеть, когда начнется ветер и изменится погода, а змеи его боятся. Настоящий ли это бриллиант, проверить нетрудно: положите его на язык, и вкус во рту изменится.

Прадед положил бриллиант в рот, и вкус пирожного исчез. Цена камня, имея в виду его редкие свойства, была на удивление низкой, и д-р Михайлович заколебался.

— Пока есть зубы, будет и хлеб, — сказал Дожа, словно прочитав его мысли, и д-р Михайлович увидел перед собой глаза, которые, как зеркала, принимали цвет глаз собеседника. Сейчас они были голубыми, и прадед решился.

Вернувшись в Сомбор, он принялся собирать деньги. Поэтому и только поэтому родственники поняли, что все последние годы в жизни д-ра Михайловича существовала какая-то женщина. Женщина, из-за которой он снял разом два обручальных кольца, а теперь продал их.

С этого времени д-р Михайлович стал находить в своих щетках седые волоски. Казалось, он оглох и идет по миру, как по пустыне, в поисках звуков, а однажды утром, когда он, по обыкновению, выглянул в окно на башенные часы, башни на площади вообще не оказалось, и только дороги обходили то место, где она когда-то стояла. Впрочем, часы по-прежнему оставались там и били девять. Д-р

Михайлович подошел к окну с карандашом в руке и зарисовал то, что видел, на оконном стекле. Это было последнее, что вышло из-под его руки. Обрамленное стекло с рисунком сохранилось в комнате и после того, как на следующий день в окно возвратились башня и прежний пейзаж. Не знаю, где прадед добыл огромную сумму, необходимую для покупки бриллианта. Он читал тогда книгу о квасцах и солях, грезил, будто варит стекло, и видел во сне, как сверкающий камень останавливает ему кровь. Он измерил борзую; она имела удивительные размеры: 72 сантиметра в высоту, 72 в длину, объем грудной клетки у нее также составлял 72 сантиметра. Какой-то пифагорейский квадрат, из которого не было выхода... Прадед вывернул наизнанку карманы, разорвал и без того слабые связи с семьей и купил бриллиант. Потом, успокоившись, вновь принялся самодовольно подкручивать усы, о которых в Сомборе говорили: «Такие жесткие, что гребень можно вставить», и цедить свою любимую фразу:

— Если бы все дураки носили белые шляпы, казалось бы, что все время идет снег!

Но это продолжалось всего семь дней. Затем Дожа прислал ему в подарок новую трубку, а это значило, что имеется второй бриллиант — в пару к первому. Д-р Михайлович испугался еще сильнее, чем в первый раз. Была ранняя весна, он вышел прогуляться по парку, и ему показалось, что у всех прохожих светятся языки. Не возвращаясь домой, он первым же поездом отправился в Загреб, а оттуда — в Вену, объявив, что хочет навестить Стеичей, семейство своей первой, ныне покойной жены. Этим же вечером в Вене, на Греческой улице, он увидел,

что в витрине одной корчмы карлик зашивает себе бороду золотой иглой с красной нитью. Это означало, что в корчме молодое, только что выдавленное вино, и прадед вошел внутрь. За первым же столом он увидал Дожу. Будто давно его дожидаясь, Дожа, ничуть не удивившись, поздоровался и пригласил сесть рядом. Вытащил изо рта трубку, погасил ее и молча протянул д-ру Михайловичу. Прадед откинул крышечку и обнаружил там второй бриллиант, с тем же красноватым сиянием, что и первый, явно из того же месторождения, из того же подземного вывода.

— Если из этого камня и из того, что есть у вас, сделать серьги, — сказал Дожа, — у особы, которая их наденет, зрение станет острее. С таким камнем на языке человек, сколько ни пей, не опьянеет. Чтобы проверить, настоящий ли он, надо бросить его сверху на ладонь. Если успеешь отвести ладонь прежде, чем он на нее упадет, — значит, не настоящий!..

Прадед сидел, словно окаменев, и ничего не говорил. От заказанного ужина он отказался, вернул непечатую бутылку вина и решил про себя, что купит и второй камень. В это время Дожа, сделав вид, будто хочет зажечь трубку, вытряхнул из нее пепел и вновь протянул д-ру Михайловичу. Прадед понял, что найдет в чашечке трубки, и испугался так, что в карманах у него зазвенела мелочь. Он видел каждую морщинку на лице Дожи; видел, что тот бреет кончик носа и что у него раздвоенные, как у верблюда, веки, причем нижние — прозрачные, видел, как тот тайком соединил в кулаке большой палец с мизинцем. Потом Дожа вдруг разжал кулак, будто он растрескался, разжал и вытряхнул из трубки на

ладонь еще один бриллиант. У него было беловатое сияние, и продавец уверял, что камень порой настолько горяч, что может оживить траву в земле посреди зимы. Дожа положил его возле первого и спросил д-ра Михайловича, вдруг перейдя на «ты»:

— Ты знаешь, какая между ними разница?

— Знаю, — проговорил д-р Михайлович и почувствовал, как каблуки его отбивают под столом дробь. — Один мужской, а другой женский. Ты их продаешь?

— Мужской продаю, женский — нет, — сказал Дожа и усмехнулся редкими зубами, за которыми, словно тесто, вспухал язык.

— Что ты будешь делать с женским камнем, Дожа? — спросил д-р Михайлович.

— Само имя подсказывает, — ответил Дожа. — Я уже в годах, смотри: на лице ношу паутину... Женщины меня давно не любят...

И они расстались. Д-р Михайлович вернулся в Сомбор, стал худеть и страшно много курить. Во сне ему то и дело являлся человек, который зевал. Ямка над губами у него начала лысеть, он носил сердце в горсти, оставлял фасолину ночевать под языком, чесал подбородок плечом, а ресницы его стали тверже бровей. Он продал мебель, хрусталь, рояль, наконец, борзую. Он таял в какой-то муке, и, будто что-то в нем перегорело, он умылся как-то утром вчерашней водой, положил в карман соли и купил второй бриллиант у Дожи, заложив ему часы. Теперь у него была пара камней, оба мужские. Он сидел в полупустой комнате и прикуривал сигару от луча, пропущенного сквозь стеклянную пробку графина. Потом, чтобы не поджечь дом, убирал графин